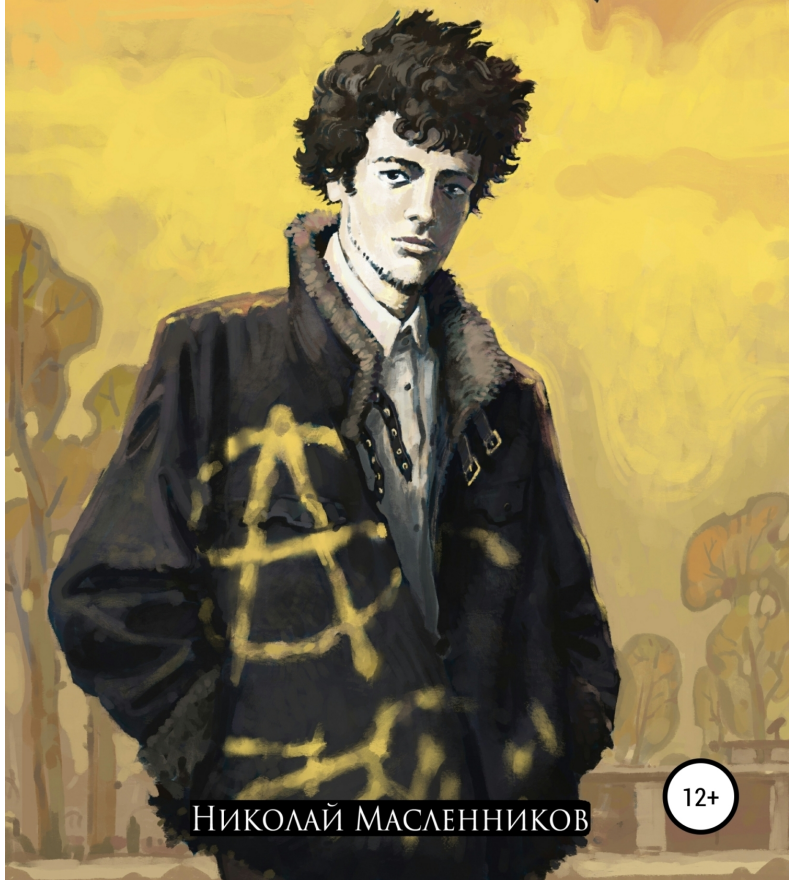

ЧЕРНЫЙ КУРТЕЦ

или Приключения Ромы Зубренко

НИКОЛАЙ МАСЛЕННИКОВ

12+

Николай Александрович Масленников

Черный куртец или

приключения Ромы Зубренко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43432909

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08587-9

Аннотация

«Черный куртец или приключения Ромы Зубренко» – это эпопея развития человеческого характера, а проще говоря, добрая история про паренька, который наблюдает жизнь с ее семимильными шагами и меняется вместе с нею, держа на плечах черную дубленку. Вам придется по душе следующие страницы, ведь в каждого из нас порою вселяется Рома Зубренко!

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Масленников

Черный куртец

или приключения

Ромы Зубренко

Предисловие

В школе я учился на тройки, однако не потому, что был несмышленым мальчиком, а потому, что я всегда был заложником своих душевных позывов, которые зачастую не совпадали с вещами обыденными. Если мне нравилось какое-либо дело, то я уходил в него с головой. Так, в молодости я хотел стать киберспортсменом, но у меня не вышло, и я стал писателем. Даа... писательское поприще дело непростое, особенно когда мысли отказываются приходить в голову, предложения получаются какими-то несуразными, а слова не клеятся между собою. В такие моменты, называемые кризисом, главное не отчаиваться; лично мне в голову сразу лезут дурные мысли типа «неужто мне это не под силу», «может я и вправду такой бездарный», но вдруг вспоминаю, что у всех на пути бывают трудности, и я просто

меняю с привычной рабочейей на праздничную обстановку – к примеру, заглядываю в бар. Помню пору, примерно конец января, когда все студенты закрывают сессию, наступает Татьянин день, я вдруг оказался в баре. Там было душно и пахло спертым табачным дымом, однако после крепкого мороза это казалось мне приятным; там было тесно, у барной стойки требовалось стоять минут пятнадцать за кружкой пива, но... но мне было совсем не жалко своего времени: я чувствовал вокруг праздник, задор и беззаботное веселье. Я стоял, наблюдал, и мне ни капельки не хотелось разговаривать, дабы не расплескать восторженного чувства – таким уж человеком я вырос. С кружкой светлого я ходил по кабаку и совершенно не знал, куда бы приземлиться; но в конечном итоге все-таки нашел местечко. Я сел, расслабился, большими глотками, но без спешки, выпил кружку пива. Вторая стояла рядом и уже улыбалась мне, когда я достал свои рукописи, или как выражаюсь я – писанину. И, знаешь, в момент, когда музыка орет у тебя над ухом – а в кабаках нынче играет рок, – одною рукою держишь чесночную гренку, перед носом постоянно мельтешат люди, да в голове возникают догадки, что же думают те две девицы на мой счет, ко мне приходит презренная свобода выражения. Я уже не думаю, как лучше донести мысль, а просто щеголяю словами на бумаге. Именно в это время, с улыбкой на лице, с теплыми чувствами в груди, придержививая лирическую нотку на уме, я написал «Черный куртеец или приключения Ромы

Зубренко»... ну так и давайте же я вас с ним познакомлю!..

Часть первая

1

Небо расстелилось ярким голубым покрывалом, на котором нет ни единого пятнышка. Под пристальным взором солнца из-под большого грязного сугроба струятся золотом ручейки. Улицы кишат людьми – все вылезли поглазеть на первые вздохи весны... виноват, вылезли все, кроме одного – девятнадцатилетнего Ромы Зубренко. Он стоит у своего окна и, вскинув руки к голове, любитесь первым солнечным днем, явившимся после долгого серого месяца. Сказать честно, чувство, которое он испытывает, намного острее и ярче играет в его груди, нежели у всех этих бродячих по улице людей. Его любовь к природе подобна любви ребенка, она чиста и ни капли не осквернена ядом времени.

– Эх, как хорошо! – сказал он и вдохнул полной грудью. – Прекрасно. Просто прекрасно!

Он постоял еще пару минуточек, прежде чем подпрыгнуть на месте. Блаженный прищур вдруг пропал, глаза силой выпятились и выразили удивление. Рома вспомнил про книгу.

«Что же произойдет дальше? Вдруг она его узнала? Неужели поняла, что граф Монте-Кристо – это Дантес?! Господи, как же его жалко... и ее вроде тоже жалко, она выгля-

дит подавленной... хотя, она этого заслуживает» – летало в его голове, пока он судорожно листал страницы и все никак не мог найти подвернутую.

2

После каждой главы Рома делал перерыв. Затем ли, чтоб ослабить эмоциональный накал, аль целью его являлась приумножить наслаждение в силу томительного ожидания? Возможно, он не любил напрягать мозг столь продолжительное время? – догадки многочисленны, потому что правда не открыта нам. Известно лишь, что Роман опять находится у окна, потягивает сигарету и любит закатом. Сперва закат был легкий, цвета персика; но позже, обиженный своим уходом, он напрягся, засопел и стал красным.

Рома целый день находился дома один, чему был несказанно счастлив. Для счастья ему не требовалось многого: лишь музыка, книга, сигарета и одиночество... да, одиночество – самая важная деталь. Стоит только ускользнуть ей, как по щелчку пропадает и все остальное.

Вот Рома закурил сигаретку, включил свою любимую песню и уже начал было отбивать ритм ногою, как ни с того ни с сего разразился звонок, яростный, дребезжащий, который едва не разорвал ему сердце. Сигарета устремилась в окно. Туда же, гонимый ладонями, поспешил и дымный воздух. Музыка оборвалась на полуслове.

Рома, натягивая на ходу портки, уже бежал к двери – как вновь раздался пушечный залп звонка и несколько настойчивее.

– О! Привет, Мам.

– Привет, – сказала она, принимая поцелуй от сына и подавая ему сумки. – Чем это от тебя пахнет?

– Не знаю, мам. Тебе, верно, показалось, – ответил Рома и тут же поспешил на кухню.

– Ну что, чем занимался сегодня?

– Да ничем особо. Так... эм, так, дома сидел.

Маме показался странным тон, которым прозвучали последние слова сына; но она решила не придавать этому значения. А зря. На кухне Рома увидел лужу кофе, которая брала свое начало от подоконника, а заканчивалась у самых ножек стола. Проследив, что мама ушла в ванную, Рома схватил первую попавшуюся тряпку, вытер пол и на цыпочках проскочил в свою комнату.

3

Рома сел в кресло и взялся за книгу. Глаза бегали по строчкам, язык молотил слова, но голова ровным счетом ничего не понимала. Она была полна догадок и подозрений.

«Не осталась ли пачка сигарет на подоконнике? Нет. Вроде бы. А вдруг осталась... беда! Мама предупреждала, что

если еще раз поймает меня с поличным, то все расскажет папе. Ох, а как же навалает мне батя!.. Господи, хоть бы не оставил их там... хоть бы не оставил!»

Рома бросил книгу и уставился глазами в потолок. Он уже был близок к тому, чтобы проверить кухню на наличие пачки сигарет, как телефон его зазвенел.

– Алло?

– Ромео?!

– Да.

– Здравова, Зубрильник!

– А-а-а, Серега, привет, – еще не оправившись, промямлил Рома.

– Чего ты там? Говори громче!

– Да, Серега. Говори чего надо?

– Чего надо, чего надо! Тебя надо. Сегодня собираемся с мужиками. Думаем пиво попить.

– Хм, а что сегодня за день недели?

– Пятница.

– Пятница?.. – в глубокой задумчивости повторил Рома.

– Да, – что-то глотнув, сказал Серега, – пятница, – и звучно выдохнул дым прямо в трубку.

– Ну...

– Да давай, чего ты! Выберешься из своей берлоги.

– Ладно, хорошо, кто будет?

– Все наши, брат, вписульки, – задыхаясь от радости, заговорил Серега, оттого что первый звонок увенчался успе-

хом и принес в копилку главного домоседа, – все наши, слышишь?

Фон зашумел, закричал – один из собеседников зажал микрофон трубки, – и Сереге показалось, что по ту сторону провода прозвучал сладенький женский голосок.

– Ау! Тшш! Забавляешься с девчонками там! Ха-ха! Тшш! – пытаюсь спародировать шум в трубке, шипел он сквозь зубы, – В восемь вечера встречаемся! Слышишь?! В восемь! В во-о-осемь! – прокричал Серега и с широчайшей улыбкой брякнул трубкой по телефону... в это же самое время Рома, с пульсирующим сердцем в висках, еле ступая, направлялся на зов мамы.

4

Рома пробирался на кухню ощупью. Все опасения его сбылись. Мама смотрела на него исподлобья, упершись руками в бока; глаза ее злобно горели.

– Рома! Ну сколько раз я тебе говорила?! Сколько раз нужно тебе повторять? Вот скажи мне...

Она, действительно, была очень-очень зла на своего сына. Ей даже хотелось прибить его, когда он находился еще там, за дверью. Но теперь же, когда Рома оказался перед ней, когда она увидела его щечки, носик, глаза, то всю злость как рукой сняло. Один только вид его, жалкий, робкий, растопил в материнском сердце нежные чувства.

Рома стоял бледный, руки его тряслись, глаза избегали матери. Он готовился упасть на колени и поклясться в том, что больше никогда не возьмет в рот сигареты.

– Вот скажи, – продолжила мама, – вот скажи мне, ты разве не знаешь, что пол следует вытирать тряпками половыми, а никак не этими белыми полотенцами, предназначенными для рук? – и она, зажав двумя пальчиками, продемонстрировала коричневое полотенце.

Рома поднял глаза – на подоконнике пачки не оказалось. Он недоуменно поглядел на полотенце, вспомнил про полотенце, вспомнил про надвигающую попойку с мужиками, просиял, но тут же овладев собою, сдвинул брови и принял вид самый печальный.

5

Рома вернулся в комнату и прикрыл за собой дверь. Движения его были мягки, сдержаны, словно малейший рывок был в состоянии расплескать и без того плескающуюся радость в груди. Эта радость была какая-то особенно слащавая, потому что основывалась на горе, которое продолжительное время ужасало все его существо, которое щекотало нервы до кончиков пальцев да разрывало сердце ногтями страха, и которое вдруг оказалось безосновательным.

Рома сел в кресло, но усидеть не смог. В нем бурлила жаж-

да жизни.

«Надо порисовать. Да! Порисовать» – и он взял дрожащими пальцами кисточку. Закрыв глаза. Глубоко вздохнул. «Так, надо успокоиться. Подышать спокойно» – протянул он про себя. Это и вправду помогло: кисточка более не тряслась.

Справедливости ради стоит отметить способности Ромы: он владел достаточными навыками для того, чтобы рисовать вещи недурные. В комнате висели три его картины: какой-то цветок с прорезанными листьями; черное небо с волнистыми полосами северного сияния; и русские бескрайние поля ржи – к этой последней картине Рома относился весьма скептически, ибо издавек это было не иначе как перевернутый украинский флаг. Он, бывало, хватал ее за шкурку, намереваясь снять с почетного места, но каждый раз передумывал, потому что вблизи она была само очарование.

И теперь Рома взялся писать молнию. Сверкающую, трещавшую, разрывающую молнию. Он давно хотел взяться за нее, но никак не находил в себе подходящего настроения. Однако нынче – совсем другое дело! Рома и есть само олицетворение молнии. Он чувствует, что у него ничуть не меньше сил, чем у нее.

«Да! Не менее! Даже больше! Бо-о-ольше!» – при одной только мысли, какая энергия таится у него в груди, рука Ромы дернулась, и вместо точеного копья молнии получился крючок, более похожий на пороссячий хвостик.

Любое занятие, которое совершалось в комнате, имело для Ромы определенную ценность, как, например, имеют ценность танцы, разбой, спорт или знакомства для других людей. Словом, все то, что занимало Рому в условиях закрытой двери – никак нельзя отнести в категорию вещей скучных. По крайней мере, такова была его правда, в истинности которой, к сожалению, сомневалась его мама. У нее – как и у всех мам в мире – имелось свое видение ситуации, на корню разнящееся с другими воззрениями.

Она резала салат на кухне и вместе с этим думала об образе жизни своего сына.

– Нет, как же ему не скучно? Целыми днями находится в четырех стенах. Какими красками играет его жизнь? Парню, здоровому лбу, девятнадцать лет, через пару месяцев двадцать... двадцать лет, боже мой! Мы с его папой уже женились в этом возрасте. Эх, хорошие времена были, конечно. Мы гуляли с университетскими друзьями, смеялись, ходили в походы, участвовали в собраниях и КВН. Отец его, помню, гад такой, после учебы частенько бродил по пивнушкам! Чебуреки ел, говорит, а у самого глаза в сладенькие, ноги подкашиваются! Да – мы жили полноценной жизнью... но а Рома? Что же делает Ромочка? Ничего. В университет и сразу

же домой. Нигде не задержится, никогда и вином не дыхнет! Господи, пусть б даже и пахло – я бы, наконец, это поняла. Что же с ним такое? Может, может у него что-то случилось? Что-то серьезное? – и она даже сжала помидор в руке от волнения. Совершенно позабыв про салат, встревоженная мама поднялась с табуретки и направилась в комнату к своему сыну.

В это же время Рома смотрел весьма трогательный фильм про человеческую судьбу, моралью которого был круговорот добра и зла в природе. Фильм уже подходил к развязке и оттого начал насыщаться бурными сценами. В один из таких, когда на экране мельтешила женская грудь, дверь отворилась материнской рукою.

– Ром, скажи, что... что с тобой происходит?

– В плане? – взглядываясь в печальное лицо мамы, сказал он и совершенно растерялся; он не знал, чего вообще следует ожидать от нее.

– Ну, ты... почему ты вечно сидишь дома? Почему у тебя нет друзей? Ты молодой, а ведешь жизнь... – мама говорила от всего сердца и глаза ее покрылись влажной пленкой, а голос дрожал, – ведешь жизнь старика. Может, у тебя что-то произошло? Скажи, что с тобой?

– Эм... – в затруднении промычал Рома, не понимая причины волнения и, в сущности, самого предмета разговора. – У меня все нормально. Я сижу дома, потому что мне это нравится. Я рисую, читаю книги всякие, вот, фильм смотрю, –

и он указал пальцем на экран.

– Да, но нельзя же всегда находиться в четырех стенах, – сказала мама, несколько раз мелькнув глазами.

– Так что ж делать, если я такой человек? И вообще... не всегда я нахожусь в стенах этих, – он вдруг понял, куда поглядывает мама и, чувствуя, как смущение поднимается в нем волною, потянулся и выключил экран. – Сегодня вот с ребятами встречаюсь.

– Ну, значит, точно все хорошо? Я просто думала...

– У меня все хорошо.

– Ну хорошо, хорошо... – и она мышкой улизнула из комнаты.

Рома упер взгляд на дверь и под влиянием прошедшего разговора несколько минут просидел неподвижно. Он прикинул что-то в уме, дал волю фантазии и как только наткнулся на целый ряд изменений, который потребовался бы в нем для воплощения данных мечтаний, как и всегда раньше, пришел к некому умозаключению: «Нет, этому не бывать. Не бывать потому, что я из другого теста».

Конечно, горько видеть, как человек умный, который может помочь и дать дельный совет своему ближнему, теряется в момент столкновения с проблемами собственными, рассеивая прежнюю трезвость взгляда и становясь наивным словно дитя. Рома не отдавал себе отчета в том, что внутри у него все бьется, рвется наружу, что мечты являют собой потребность жизни – жизни бурлящей, где происходит безостанов-

вочное взаимодействие, где люди спорят, испытывают, познают, – и лишь уверял себя, что он особенный, не такой, как все, и раз внутренний мир богаче, то данные увлечения ему не по душе.

Рома включил фильм и с неподдельным интересом продолжил следить за волнениями женской груди, о подробностях которой имел весьма смутные представления, потому что еще ни разу не наблюдал ее вживую.

7

Пятница, вечер, конец трудовой недели. Кабак забит народом. Люди наконец вдохнули жизнь полной грудью и теперь радуются, смеются, разговаривают. Хоть и выпускают они порой звуки дикие – осуждать их за свое увлечение мы не станем, потому что хорошо знаем природу человека, а именно, что в душе его всегда живет частичка капризного ребенка. Теперь, когда за спиной осталось пять отпаханных дней, а на носу висит время безграничного отдыха и свободы – им хочется немного подурачиться.

Так отчего ж не вскинуть голову усачу, который расположился за дальним столиком, и не залиться ему искристым смехом? А этим мужикам в кожаных куртках? – отчего ж им не брякнуть гранеными кружками, когда они для этого и предназначены? Отчего ж девкам в поисках бесплатной вы-

пивки не поглазеть на четырех молодцов, которые появились в дверях и, забыв про головные уборы да выстроившись случайно по росту, решительно зашагали по кабаку?

Несложно догадаться, что этими молодцами были Рома Зубренко и три его друга – Серега, Стас и Максимка.

Эта компания была такова, что в ней не было серой пташки, так же как и кого-то выдающегося, который бы затмил своим сиянием других. Конечно, каждый считал себя лучшим – такова уж природа самцов, – но если судить объективно, то все они имели достоинства и были хороши по-своему. Так, к примеру, Серега славился легким взглядом на вещи, общительностью и прагматичностью, отчего он, увидев огромную очередь, которая отделяла от столь желанного предмета, тотчас же стал замышлять всевозможные хитрости.

Серега: – Вот тебе и на. Не будем же мы стоять двадцать минут?!

Рома: – А что, разве у тебя есть другие варианты? Придется, – спокойно ответил он, больше интересуясь блеском разноцветных бутылок за стойкой, нежели разговором об очереди.

Серега: – Есть один. Идите, кто-нибудь, займите столик, а я... О! Смотрите! Ха-ха! Сколько лет, сколько зим? Дружище! – вдруг вскрикнул он, поднял руку в знак приветствия и двинулся вглубь.

Поджимая голову, дабы не удариться об лампы, Серега

пробрался во главу очереди. Он похлопал какому-то пареню по плечу и, шепнув что-то на ухо, показал бармену две ладошки с растопыренными пальцами, что на языке жестов означало десять литров пива.

Сергея: – Ну что, видали, – сказал он своим друзьям, – видали, как дела делаются?

Стас: – Да, ты и вправду хорош. Я действительно подумал, что это твой знакомый.

Сергея: – Хрена с два! Вы видели его вообще?

Рома: – Нет. С ним что-то не так?

Сергея: – Этот парнишка в спортивных штанах и с кривым носом... быдлятина какая-то, проще говоря!

Стас: – И он тебе ни слова не сказал, когда ты пристроился?

Сергея: – Не успел. Я ему сам говорю: видишь тех трех типов? Вякнешь хоть что-то, они тебе зубы выбьют! А мне пива...

Стас: – Ха-ха! И вправду, я уже как неделю не брился. Совсем на разбойника похож, – он вскинул голову и показал щетинистую шею.

Сергея: – А ты, Ромка? Сколько не брился?

Рома: – Я, ну... недели две, наверное.

Сергея и Стас дали лыбу при виде четырех черных антеннок на Ромином подбородке, и еще сильнее засмеялись над тем, с какой чувственностью он провел рукой возле рта, будто там имеется пышная борода. Однако в это же мгновение

по кабаку пробежал восторженный девичий визг, смешанный с каким-то уж подозрительно знакомым гоготом. Трое ребят крутанули головами и увидели, как к столику плетется Максимка с двумя официантками; руки его выписывали в воздухе круги, а губы, очевидно, шептали что-то очень смешное сперва одной девушке на ухо, потом другой.

Максим же, в свою очередь, обладал удивительной способностью обращения с противоположным полом, отчего мог с легкостью познакомиться с любой красавицей. Он располагал к себе всех девушек без исключения, целовал их прямо на первом свидании и был таким забавным и искренним собеседником, что падкое до чувств сердце раскрывалось перед ним... раз и навсегда нарекая его *своим лучшим другом*.

Официантки смахнули крошки со стола, убрали грязные кружки и поставили новые, блестящие; добавили салфеток в салфетницу и как завершение, украсили стол желтой вазой пива. Сделав свою работу, девушки задержались и, закинув руки за спину, взглянули на ребят.

Официантка: – Хорошего вам вечера, – сказала одна из них, с теплой улыбкой останавливаясь на Роме, отчего тот повернул глаза в сторону и покраснел.

Максимка: – Пожалуйста, только не забудь... – он взял ее руку и потянул к губам.

Официантка: – Хорошо-хорошо, я помню, сейчас принесу.

Девушки ушли, а ребята разом посмотрели на Максимку. Он ухмыльнулся и пожал плечами.

Максимка: – Ну и что ж? Дело обычное.

Стас: – Вот это я понимаю – самец.

Максимка: – Первую зовут Маша, вторую... – лоб его зачесался, глаза сузились, – вторую вроде тоже Маша.

Серег: – А она на тебя засмотрелась, – вытянув голову в центр стола, вполголоса сказал он, – Ром, видал?

Рома: – Ну видал, и что?

Серег: – Как что?! Действуй!

Рома: – Вообще-то у меня есть девушка.

Серег: – Ах... Ну а ты, Стас? Отчего же не можешь?

Стас набрал полную грудь воздуха. Он являлся охотником до всяческих историй, тема которых в большинстве своих случаев не совпадала с интересами ребят. Однако это обстоятельство никак не отражалось на деле: они внимали Стасу, потому что он умел раздувать из мухи слона, то есть, превращать житейскую в историю красочную и захватывающую. В его натуре не было ярко выраженных ораторских способностей, однако речь его была гладка и приятна; его идея не носила назидательный характер – она лишь возносила проблему на всеобщее обозрение и освещала историю лучами здравого смысла.

Стас: – Да как же... – сказал он на выдохе, – для знакомства нужны другие обстоятельства. Вот если бы мы с ней столкнулись в дверях или, там... к примеру, кружку пива б

она на меня опрокинула, тогда да, уже есть повод поговорить. Одним словом, нужны малейшие условия для диалога, понимаешь? А попросту сказать «привет, давай познакомимся» – это, по моему мнению, глупо. Очень глупо. Как вот, представляете, совсем недавно у меня была ситуац. . .

Сергея: – Сосунки вы, мужики! – задорно возгласил он, придя в самое веселое расположение духа от такого ответа; он не терял попусту времени и уже разливал пиво по кружкам.

Рома: – Слушай, а ты-то сам?

Сергея: – Я? Да а что же я-то? Она на меня не глядела так, как на тебя. Будь я на твоём месте, у меня была бы сегодня жаркая ночь!

Рома: – Свинья ты, Сергей, вот и все тут.

Сергея: – А я тебе скажу, что естественно, то не безобраз. . . – он наполнил третью кружку, но вдруг остановился, нахмурил брови и закрутил головой, – А где еще одна?

В этот самый момент к их столику подошла официантка и, выписав небольшой крюк с подносом, остановилась у Ромы под боком. Держа в руке кружку красного пенного, она наклонилась, дабы поставить его на стол. Со сосредоточенностью, которая является к актеру во время его образа, девушка старалась показать всю грацию одним движением, наклоняясь с каждой секундой все ниже и ниже. . . и Рома, чтобы не упереться носом в ее грудь, поспешил отодвинуть стул. Сергей дал лыбу. Максимка приоткрыл рот. Ему было боль-

но видеть, как рука официантки дрогнула и из кружки вылетела розовая пена.

Официантка: – Ой, извини. Я не хотела, – она выхватила полотенце из кармашка и стала вытирать ему колено, – Прости.

Рома: – Ничего, ничего страшного.

Все ребята улыбались, кроме Ромы. Он сидел красный и еще долго ничего не мог сказать.

Рома: – Что это такое? – наконец сделал он над собой усилие.

Серег: – Это стопроцентный вариант! Я бы сказал беспрюгрышный. Чего тебе стоит...

Рома: – Я, вообще-то, про эту гадость, – он указал на кружку с красным пенным напитком.

Максимка: – Это мой клюквенный сидр. Гадость – ваше пиво. Терпеть его не могу.

Рома, Серег и Стас переглянулись между собой и скорчили кислые гримасы.

Рома: – Да... – он вздернул и покрутил мизинцем, – а Максимка-то у нас самый настоящий Максимилиан!

Серег подхватил Рому, подпрыгнул на месте и выкрикнул: «Ну ты даешь, Макс!». Стас же сидел спокойно, даже несколько задумчиво, грыз ноготь, хмурил брови.

Стас: – Слушай, а дай попробовать, может быть, и себе закажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.